

Материал подготовлен:
Т.Е. Кузнецовой, д.э.н., гл.н.с. ИЭ РАН
Н.А. Лебедевым, д.э.н., в.н.с. ИЭ РАН, уч. секр. Российско-польской Комиссии

Проблемы интеграции и диверсификации в современных условиях

26-27 июня 2012 года в Каминном зале Дома экономистов в рамках четырехстороннего соглашения Института экономических наук Польской Академии наук, Института экономики Российской академии наук, Вольного экономического общества России и Польского экономического общества состоялась очередная XXII научная сессия Российско-польской комиссии ученых-экономистов на тему: «Польша и Россия в условиях интеграции и диверсификации».

Открывая работу сессии первый вице-президент ВЭО России *В.Н. Красильников*, подчеркнул важность регулярно обсуждаемых на сессиях в Варшаве и Москве актуальных для экономик обеих стран мировых социально-экономических проблем, и отметил главное, на его взгляд, что характерно для Комиссии, искреннюю многолетнюю дружбу польских и российских экономистов, связывающую их не только как профессионалов, но и как представителей интеллигенции. Интеллигенция, объединяя усилия, является, той силой особенно в постсоциалистических странах, которая, сумеет найти пути решения проблем «растягивающейся» глобализации и позволит, в частности, решить задачу позитивных социально-экономических результатов выхода этих стран из социализма.

Предыдущие Сессии, охватывая наиболее актуальные проблемы состояния соответствующего периода развития, как мировой экономики, так и экономик обеих стран, концентрировали внимание на концептуальных подходах к выбору перспективных стратегий и форм развития Польши и России, реализации этих подходов и их результатах

¹. Тематика нынешней Сессии не стала исключением и позволила через призму

¹ См. Инвестиционные процессы в Польше и России: настоящая ситуация и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2004; Procesy inwestycyjne w Polsce i w Rosji – stan i perspektywę. Warszawa. PAN, 2004; Факторы обеспечения конкурентоспособности экономик Польши и России. М.: ИЭ РАН, 2006; Polska i Rosja na drodze do innowacyjnego rozwoju. Warszawa, 2008; Польское и российское село перед вызовами глобализации/ Труды вольного экономического общества. Т. 99. М.: ВЭО, 2008. № 4; Польша и Россия: инфраструктура и социально-экономическая трансформация. М.: Наука, 2008; Polska i Rosja na drodze do innowacyjnego rozwoju. Warszawa, 2008; Польское и российское село перед вызовами глобализации/ Труды вольного экономического общества. Т. 99. М.: ВЭО, 2008. № 4; Polska i rosyjska wieś w świetle wyzwań globalizacji. Instytut Nauk Ekonomicznych PAN, Warszawa, 2009; Китай, Польша, Россия: стратегия трансформации, структурный поворот. М.: ИЭ РАН, 2010; Państwo i gospodarka w perspektywie XXI wieku/ KNE PAN. Warszawa, 2010.; Китай, Польша, Россия. Стратегические приоритеты развития: общее и особенное. М.: ИЭ РАН, 2012; Municipalizacja a miasto rosyjskie // Gospodarka runkowa wobec nowych wezwań. Polska i Rosja. Warszawa, 2012.

интеграционных и диверсификационных процессов рассмотреть широкий круг проблем, включающий концептуальные и теоретико-методологические подходы к состоянию российской и польской экономик, значение и место реального сектора (с особым вниманием к аграрным и сельским проблемам) в каждой из стран. На примере России были раскрыты некоторые финансовые проблемы, достаточно остро стоящие не только в обеих странах, но и в мире. Роль региональных аспектов в интеграционных процессах рассматривалась на основе сопоставления российских, польских, европейских и мировых тенденций. Анализ социальных проблем связывался с монетарными и немонетарными аспектами решения острых проблем социально-экономической дифференциации.

Открывая Сессию, *Л.В.Никифоров* (Институт экономики РАН), сопредседатель Комиссии с российской стороны, отметил, что в современных условиях именно интеграционные процессы во многом определяют перспективные направления развития мировой экономики в целом, имеют важнейшее значение для различных аспектов межстранового и внутристранового развития, формируют межрегиональные и межотраслевые связи, отражаются на проходящих социальных процессах. Интеграция экономик многоуровневая, многоаспектная, сложна, а зачастую и противоречива. Она, как и диверсификация, вызывает необходимость не только взаимопонимания и взаимодействия, но и взаимоприспособления, поиска взаимовыгодных способов регулирования социально-экономических процессов, нахождения многообразных конкретных форм кооперации, совместного использования различных видов ресурсов, включая социальные. Эти действия имеют своим результатом экономическую и социальную эффективность для всех заинтересованных участников и интегрирующихся сторон.

Иоанна Котович-Явор (Институт экономических наук ПАН, Варшава), сопредседатель Комиссии с польской стороны, в своем вступительном слове подчеркнула важность содружества Институтов и Экономических обществ обеих стран, позволяющего в течение двадцати с лишним лет отслеживать и сопоставлять состояние экономик Польши и России, анализируемых учёными каждой из стран, выявлять направления движения обеих стран, важнейшие перемены в них, возникающие трудности и формы их преодоления, отражать и сохранять накопленный опыт в публикациях, составивших уже значительную библиотеку, выразив надежду на то, что материалы данной Сессии, будут полезны научной общественности России и Польши.

Председатель Экономического общества Польши *Э. Мончиньска* (Институт экономических наук ПАН, Варшава) в докладе «Основы модели современного социально-экономического устройства» показала, что основными факторами, определяющими системные преобразования, являются широко понимаемые принципиальные изменения

технологии и происходящие в результате этого преобразования в различных областях социально-экономической жизни, в том числе и в институционально-системной сфере. Кризисы же и другие экономические дисфункции их только ускоряют, а не являются первоосновой перемен. Технологический перелом, вызванный Интернетом и называемый третьей промышленной или информационной революцией, определяет потенциал системных перемен. Именно он способствует возникновению *макрэкономии* и системных моделей, нацеленных на социальное равновесие, сотрудничество и полное использование потенциала общественных инноваций, а не на концепции, основанные на неолиберальной доктрине и стимулирующие социальное неравенство. С требованиями информационных технологий не согласуются ни неолиберальная концепция *государства-минимума*, ни противоположная концепция *государства-максимума*. Современные технологии требуют системных, прозрачных регулирующих действий государства, соответствующих концепции «*государства-оптимума*», необходимого для максимального использования всестороннего потенциала и удовлетворения растущих общественных потребностей. Одним из многих системных вызовов, вытекающих из совершающейся информационной революции, является введение международных стандартов в борьбе с нарушением интеллектуальной собственности, открытый доступ к которой пробуждает огромный потенциал развития, но требует активности государства в защите авторских прав.

В своём докладе *П. Пыш* (Высшая школа финансов и управления, Белосток) «Неолиберализм/кейнсианство versus ордолиберализм и мировой экономический порядок», продолжив тему, начатую Э. Мончинской, отвечает на вопрос о том, создают ли и в какой мере неоклассическая теория с неолиберальной доктриной и кейнсианство, с одной стороны, и ордолиберализм, с другой, концептуальные основы для экономической политики, направленной на выведение мировой экономики из нынешнего состояния «нарушенного равновесия», характеризующегося хаосом и элементами анархии, в сторону формирования устойчивого миропорядка, развития позитивных интеграционных процессов. Ответ, как полагает докладчик, может быть только однозначным. Какие же элементы ордолиберализма, по его мнению, привлекательны? Ордолиберализм помимо существования между ним кейнсианством и неолиберальной концепцией многих различий, имеет с ними общие свойства, главное из которых заключается в принципиальной задаче – спасении общества от социалистических и тоталитарных тенденций. *П. Пыш* раскрыл и различия между названными концепциями, состоящие в том, что реализация кейнсианства как для мировой экономики, так и экономик отдельных стран, может оказаться эффективной «терапией» только в течение короткого периода.

Через некоторое время негативные тенденции снова усиливаются (что известно по опыту, связанному с конъюнктурными циклами), в результате чего снова требуется применение очередного кейнсианского рецепта. Кроме того, кейнсианство предполагает необходимость прямого воздействия на хозяйственный процесс. Теоретики же экономического порядка исходят из того, что важно комплексно исследовать экономику, учитывая макроэкономическое и микроэкономическое измерения, а также интересы и потребности индивида на принципах, базирующихся на свободе личности и свободном рынке. Докладчик подтвердил это ссылками на пояснения В. Ойкена, что свобода и порядок не являются противоположностями, а взаимообуславливаются, на мысль Л. Эрхарда о важности ответственности всех акторов, и предостережение Дж.К. Гэлбрейта о возможности «технического бегства» от реальной хозяйственной жизни в мир абстрактных, формализованных экономических моделей.

На примере опыта развития двух стран – Китая и России, сравнивая избранные ими стратегии и институты развития, *Ю.Г. Павленко* (Институт экономики РАН) в докладе «Институты экономического развития: опыт России и Китая» проанализировал модели экономического развития в Китае и России, приведшие к различным результатам. Включенность экономики России в мировые интеграционные процессы на основе сырьевой направленности не только увеличивает её зависимость от внешних факторов, но и сказывается на ухудшении воспроизводственной структуры, ведёт к деиндустриализации. Главным фактором, не позволяющим с оптимизмом рассматривать перспективы модернизации экономики России, является сам характер проводимой в последние 20 лет социально-экономической политики. Её идеологической основой служит либеральная концепция минимизации роли государства, что противоречит задачам модернизации, расходится с мировой практикой, демонстрирующей лидирующую роль государства в хозяйственном развитии. Китай предложил «китайский консенсус», ориентированный, во-первых, на инновации, во-вторых, на устойчивое, сбалансированное и качественное развитие и, в-третьих, на самоопределение. Эта модель придаёт социальным переменам столь же важное значение, как и экономическим. Экономика и управление в «Пекинском консенсусе» имеют своей целью совершенствование общества, что полностью игнорируется «Вашингтонским консенсусом».

В докладе «Польский путь развития в интегрированной Европе» *И. Котович-Явор* отметила, что в условиях резких перемен и отсутствия надёжности на глобальном рынке, технологической революции и затягивающихся финансовых и экономических кризисов, в том числе и в европейской экономике, возникает ряд серьёзных угроз (разрыв между глобальным спросом и предложением, резкая социальная дифференциация, слияние

политики и бизнеса, рост виртуальной экономики и т.д.). В ЕС попыткой ответа на эти вызовы является среднесрочная стратегия «Европа – 2020» с такими приоритетами как интеллектуальное развитие, устойчивый рост и социальное сплочение, повышение конкурентоспособности региона (ЕС) на основе инновационности и формирования экономики, основанной на знаниях (ЭОЗ). Наряду с механизмами достижения этих целей, разработанными в программе «Инновационная Европа», продлено действие «Лиссабонской стратегии-2000-2010», предполагающей дальнейшее формирование Европейского исследовательского пространства и включающей доминирование точных, естественных и медицинских наук; направленность учебных программ на обучение креативности, предпринимательству, коллективной работе; увеличение публичных расходов на развитие науки; формирование институциональной среды, способствующей малому и среднему бизнесу; защита интеллектуальной собственности; введение фискальных стимулов роста частных вложений в инновационную деятельность, обоснования европейского стандарта и т.п. Особое внимание в стратегии ЕС-2020 уделено промышленной политике. В условиях последнего глобального кризиса и жесткой конкуренции структурная политика вновь становится важным инструментом приспособления производственного аппарата к требованиям рынка, создания сильного промышленного фундамента для экономики. В то же время стратегия «ЕС-2020» подвергается критике, прежде всего потому, что она недостаточно учитывает многие современные проблемы: трудности в преодолении кризиса, усиливающуюся социальную напряженность, отсутствие всестороннего, углубленного и открытого анализа разрастающегося провала глобального экономического порядка и т.п. Подвергается критике и сама концепция ЭОЗ, поскольку она на практике оказывается парадигмой максимизации знаний, но без необходимого творчества и обоснованного предвидения, позволяющих прогнозировать долгосрочные последствия принимаемых решений. В связи с этим появляются предложения построить парадигму рыночной экономики, так называемую ЭОМ, т.е. экономику, основанной на мудрости. Критикуется европейская модель ЭОЗ, которая благодаря политической корректности, сложным процедурам и разросшейся бюрократической системе уничтожает европейскую идентичность, ведя к утрате её конкурентных преимуществ. Обостряются отношения *homo economicus versus homo sapiens*, поскольку первый ориентирован единственно на принципы рынка, не учитывая в своей деятельности нравственные начала и правила общественного сосуществования. Что касается Польши, то её программа развития отражена в «Среднесрочной стратегии развития страны 2014-2020», полностью согласованной с

программой ЕС-2020. Основными приоритетами являются действенное и эффективное государство, конкурентоспособная экономика, социальное и территориальное сплочение.

Ряд докладов на Сессии был посвящен различным аспектам роли государства в современной экономике. Развил тему *Е. Вилькин* (Варшавский университет, Варшава) докладом «Внедрение принципов современного управления в Польше. Теоретические и практические вопросы». Вступление Польши в Европейский Союз в 2004 году означало, по мнению докладчика, завершение основного этапа системной трансформации, поскольку считалось, что Польша построила политическую и экономическую систему, согласованную с доминирующей системой Европейского Союза. За 20 лет валовой внутренний продукт (ВВП) в стране увеличился вдвое по сравнению с 1989 годом. Польша сумела избежать последствий экономического кризиса, охватившего почти все страны ЕС после 2008 г. Если в начале системной трансформации ВВП Польши составлял около 25% от среднего показателя по Европейскому Союзу, то сейчас он превышает 60%.

Однако значительные экономические успехи не сопровождались быстрым прогрессом в реформировании общественной сферы и функционировании государства. Современное капиталистическое государство опирается на два основных столпа: рыночные механизмы и их институты, и механизм публичного распределения и государственные институты, что упрощённо определяется как сферы рынка и государства. В каждой из них распределяется около 50% ВВП. Важнейшим источником информации о функционировании отдельных экономик на международном фоне являются доклады World Economic Forum. Последний из них «The Global Competitiveness Report 2011-2012» содержит показатели по 142 странам. В рейтинге общей конкурентоспособности Польша оказалась на 41 месте. Наилучшими её показателями были: защита интересов инвесторов – 36 место, издержки функционирования бизнеса, связанные с насилием и преступностью – 37, нерегулярные платежи и взятки – 39, организованная преступность – 40 место. По развитию инфраструктуры Польша занимает 87 место.

Показатель качества управления крайне популярен в экономических науках. Между тем, по мнению докладчика, дефиниция качества управления в мировой практике не формулируется однозначно, поскольку качество управления – это качество институциональных рамок функционирования государства, качество текущей работы органов государственной власти и качество условий жизнедеятельности граждан и хозяйственных субъектов. Низкое же качество управления вытекает, прежде всего, из слабости государства. Докладчик представил исследовательский проект: «Качество

управления и повышение эффективности управления публичными средствами: концептуализация, измерение и институционализация хорошего управления (good governance) в Польше», выполненный в Варшавском университете.

В докладе *М. Балтовского и П. Августиневича* «Государство как собственник в современной экономике: Польша и Россия на фоне развитых стран» (.....) рассматривались место и роль государственных предприятий в современной экономике, прежде всего в постсоциалистических странах в условиях нарастания интеграционных процессов. Дав краткий исторический обзор места и роли государственных предприятий и других хозяйствующих субъектов, зависящих от государства, в мировой практике, М. Балтовский в своём выступлении проанализировал специфику деятельности государственных предприятий в постсоциалистических странах с особым упором на предприятия общественного сектора (ПОС). По его мнению, при употреблении прилагательного «государственный», определяющего владельца предприятия, возникают три группы проблем, которые требуют, чтобы это определение по возможности применялось однозначно. Во-первых, государственную собственность следует понимать широко – как собственность Государственной казны, представляемую правительственными органами, и как собственность местного самоуправления – муниципальную. Собственность может принадлежать государству не только непосредственно (когда право собственности осуществляет Государственная казна или органы местного самоуправления), но и косвенно. В последнем случае (чаще всего речь идет о «дочерней компании») право собственности осуществляется определенным государственным юридическим лицом (например, государственным агентством, которому доверены некоторые государственные функции). Во-вторых, речь идет о смешанной собственности. В современной экономике часто государство не является стопроцентным владельцем, а лишь совладельцем предприятия. Это особенно важно для правильного определения ПОС. Здесь возникают два момента. Первый означает ситуацию, при которой государство является мажоритарным владельцем (свыше 50% акций/долей) предприятия. Несомненно, такого рода субъект можно назвать «государственным предприятием». Второй - ситуацию, при которой доли государства миноритарные. Здесь возникает проблема, так как формальное состояние (большинство акции/долей в руках частного капитала) зачастую находится в противоречии с фактическим, означающим действительный контроль государства над данным предприятием. В таком случае, по мнению докладчика, предприятие с миноритарной долей участия государственной собственности тоже может и должно быть причислено к группе предприятий общественного сектора, если государственные органы осуществляют над этим

предприятием фактический контроль и оказывают решающее влияние на реализацию основных прав собственности (назначение управляющих органов, определение стратегии развития, распределение прибыли). В Польше это касается нескольких крупнейших приватизированных польских предприятий, в частности, нефтяной компании PKN Orlen SA, меднорудного комбината KGHM Polska Miedz SA, энергетической компании Tauron SA. Такой контроль реализуется государством, во-первых, путём соответствующих записей в уставе компании, предоставляющих привилегии государственному акционеру или же, во-вторых, в случае биржевых компаний попросту вытекает из факта владения государством абсолютным большинством голосов. На примере развитых западных и ряда постсоциалистических стран с выделением Польши и России в докладе подробно рассматривалась деятельность государственных предприятий, управление ими и управление в них.

Доклад *М. Мишевского* (Католический университет, г. Люблин) «Государство как участник процесса регулирования экономики» продолжил тематику роли государства в управлении современной экономикой. Обосновав позицию, согласно которой перемены, происходящие в современном мировом хозяйстве, такие, как глобализация отраслевых и финансовых рынков, доминирование над реальными процессами чисто финансовых сделок, лишенных непосредственных связей с фактическими хозяйственными действиями, внедрение и распространение ранее неизвестных коммуникационных технологий, детерминирующих поведение хозяйственных субъектов и т.п., ведут к тому, что существующие теоретические установки становятся неадекватными тем хозяйственным явлениям, которые они должны описывать. Наступило время поиска ответов на фундаментальные вопросы, в частности, о роли государства в изменениях, происходящих в общественной и политической сфере и их влиянии на экономику. Это касается не только восприятия института государства как такового, но и цивилизационных перемен – можно говорить о сельскохозяйственной цивилизации, промышленной цивилизации (создание благ) и о цивилизации сферы услуг («услужевой», т.е. создание нематериальных средств удовлетворения потребностей), влияющих на реализуемую экономическую политику, поведение крупных и малых субъектов «предложенческой» стороны, и, конечно, потребителей, общества в целом. Всё это означает, что в зависимости от конкретной ситуации, потребители, они же избиратели, артикулируют свои потребности, удовлетворение которых в сфере благ и услуг обеспечивает свободная рыночная экономическая система, что, в конечном счете, предопределяет (через механизм парламентской демократии) иерархию целей экономического развития, способы и издержки их реализации.

Финансовые аспекты деятельности современных российских компаний рассматривались *Л.Н. Лыковой* (Институт экономики РАН) в докладе «Оффшорная активность российских компаний в свете экономической интеграции» и *И.С. Букиной* (Институт экономики РАН) в докладе «Бюджетная политика в посткризисный период: роль фискальных правил».

Л.Н. Лыкова убедительно показала, что, во-первых, современные хозяйственные связи, носящие трансграничный характер, свидетельствуют о возможности хозяйствующих субъектов в условиях открытой (в той или иной степени) экономики участвовать в процессах международной конкуренции, не покидая национальный рынок, и что международная конкуренция имеет место и на национальном и на зарубежном рынках, поскольку и там, и там конкурируют национальные и иностранные производители. В этой ситуации движение капитала в процессе воспроизводства также приобретает международный или трансграничный характер. Во-вторых, элементом современной системы управления финансами компаний становится налоговое планирование с использованием всех тех возможностей, которые предоставляются национальными законодательствами и международными соглашениями. В этих условиях использование оффшоров в качестве элемента налогового планирования становится весьма распространенным явлением, что требует адекватных позиций различных отраслей законодательства, и, в частности, формирования соответствующей налоговой системы и модели налогового администрирования. В процессе налогового планирования используются несколько типов (или групп) стран, различающихся по основным характеристикам налоговых режимов, степени интегрированности в международные налоговые соглашения, предоставляющих различные категории услуг капиталу, являющемуся (или стремящемуся стать) наднациональным. Выделяется группа собственно оффшоров, включающая такие страны как Британские Виргинские острова, Белиз, Сейшельские острова, Панама, Остров Джерси (Брит.); Бермудские острова; Остров Мэн (Брит.), Карибские о-ва (Брит.) и другие юрисдикции. Можно выделить группу стран с заниженным уровнем налогообложения, куда, в частности, входят Гонконг и Кипр. Ещё одну группу стран, которые активно используются в системе международного налогового планирования, представляют Швейцария, Люксембург, Нидерланды и Австрия. Это так называемые «престижные юрисдикции», национальное законодательство которых обеспечивает условия управления иностранными компаниями, условия доступа к счетам, конфиденциальность бенефициара и другие условия, позволяющие их активно (и эффективно) использовать в системе международного налогового планирования. Эти страны являются оффшорами, а оффшорный бизнес –

элементом национальной модели воспроизводства. Л.Н. Лыкова привела примеры того, какие страны для каких стран являются основными оффшорными юрисдикциями и показала, что основными странами - инвесторами в Россию являются страны, представляющие собой в той или иной форме оффшорные юрисдикции или страны с традиционно заниженным уровнем налогообложения, куда российские компании наиболее активно экспортируют капитал. Одним из важнейших результатов таких действий являются трансграничные финансовые потоки выплачиваемых дивидендов. Практически все крупные российские компании активно используют международное налоговое планирование с участием оффшорных компаний.

И.С. Букина пояснила, что имплементация фискальных правил вызвана как внутренними причинами – ужесточение финансовой дисциплины, решение проблем хронических бюджетных дефицитов и чрезмерного государственного долга, - так и задачами межстрановой интеграции, а также мировым финансовым кризисом, обнажившим и обострившим многие проблемы. Под фискальными правилами понимается комплекс институциональных ограничений, устанавливаемых для целей бюджетного планирования и контроля. Фискальные правила могут устанавливаться как на уровне центрального правительства, так и центральными властями для регионов. Многие развитые страны декларируют использование фискальных правил, ограничивающих размер бюджетного дефицита и государственного долга. Более того, для стран-членов ЕС данные правила, закрепленные Маастрихтским соглашением, формально являются обязательными. Между тем, в среднем по странам еврозоны этот показатель превысил 87%. Что касается России, то благополучие первого десятилетия XXI века позволило российскому правительству расплатиться по основным внешним долгам и избежать избыточного накопления внутреннего долга. На протяжении 2005-2011 гг. госдолг России не превышал 12% ВВП. Опыт Евросоюза убеждает в том, что применение фискальных правил должно, во-первых, сопровождаться жёстким контролем за их исполнением, а, во-вторых, невозможно без применения дифференцированного подхода установление гибких фискальных правил с учётом особенностей развития каждой страны и цикличности мировой экономики. В бюджетной системе Российской Федерации можно говорить о внедрении каких-либо фискальных правил лишь применительно к субнациональным властям. Реформа межбюджетных отношений на протяжении последнего десятилетия шла по пути всё большего ужесточения бюджетных ограничений, применяемых к финансовым результатам регионов. Переход к использованию фискальных правил предполагается осуществить, начиная с 2015 г. Пока же говорится о создании неких предпосылок к такому переходу. Речь идёт, прежде всего, о размере

нефтегазового трансферта, направляемого для покрытия дефицита федерального бюджета, который не должен превышать 3,7% ВВП, и величине ненефтегазового дефицита федерального бюджета, который не должен быть выше 4,7% ВВП. Между тем, о переломе сложившейся тенденции говорить рано. В кризисный период (до 2015 г.) пополнение Резервного Фонда и Фонда национального благосостояния приостановлено, и понятие нефтегазового трансферта формально не применяется, поскольку практически все нефтегазовые доходы направляются в федеральный бюджет, автоматически покрывая его ненефтегазовый дефицит. В целом, представляется, что переход к использованию фискальных правил для России является преждевременным. В любом случае, эти правила нуждаются в корректировке согласно реальным условиям формирования федерального бюджета.

Территориальный аспект настолько важен для экономики любой страны, что не мог не привлечь внимания участников Сессии. Увеличиваются или уменьшаются экономические различия между регионами, образующими отдельные страны мира; есть ли основания говорить о прогрессе с точки зрения экономического выравнивания внутреннего валового продукта в расчёте на одного жителя; как велики внутренние расхождения по этому показателю в странах Европейского Союза, России, США, Китае и Польше? Эти вопросы поставил в своём докладе «Регионы в мировой экономике: конвергенция или дивергенция» *Л. Ясинский* (директор Института экономических наук РАН). Он представил расчёты, на основе которых можно делать выводы о состоянии регионов внутри названных стран и их объединений. В этих расчётах по странам ЕС за период с 1997 г. по 2008 г. индексы концентрации производства по территории страны практически не менялись ни в объединившейся Германии, ни в постсоциалистических странах, вошедших в ЕС и претерпевших структурные и системные перемены, за исключением Румынии, где такие преобразования привели к относительно большим переменам, чем в других странах. Что касается численности населения, то примерно за те же годы уменьшился процент населения в самых богатых и самых бедных регионах, но увеличился в регионах со средней доходностью. В свете этого критерия произошло определенное выравнивание распределения населения по территориям стран ЕС. Ситуацию в Российской Федерации, состоящей из более чем 80 административных единиц (субъектов РФ) на основе расчёта доли участия каждого субъекта в ВВП страны, докладчик констатировал как большую концентрацию хозяйственной активности на относительно небольшой части территории страны. В США, состоящих из 50 штатов за пятидесятилетний период произошло значительное перемещение хозяйственной активности с Северо-востока и Среднего запада на Юг и Запад. В то же время Северо-восток по прежнему занимает относительно высокие позиции в соотношении ВВП к средней по стране. Рассматривая показатели концентрации производства в Китае, докладчик определяет их как относительно невысокие, размываемые численностью населения. Процессы в Польше докладчик анализировал более подробно: сопоставление воеводств и более крупных, чем воеводства, образований

потребовали большего числа критериев для анализа. Отсюда возникли характеристики, связанные с природными и социально-экономическими показателями, влияющими на уровень развития территорий, детально рассмотренные докладчиком.

В докладе *Л.Н. Ивановой* (Институт экономики РАН) «Интеграционные проблемы российского Дальнего Востока» называются особенности Дальневосточного региона, с одной стороны, олицетворяющие исключительные потенциальные возможности развития всей страны, а с другой стороны, развитие самого региона и реализация его экономического и геополитического потенциала представляет собой серьезную проблему. Регион недостаточно освоен, стихийно, а потому не оптимально, интегрирован в систему внешнеэкономических связей, удален от центральной части России и имеет недостаточный уровень управления из федерального центра. Глобальные проблемы этой части России состоят в нехватке капитала – производственного, финансового и человеческого, в отсутствии четких стратегических перспектив в стране и, соответственно, мотивации развития территории региона. За годы рыночной трансформации экономика Сибири и Востока России стремительно превращалась в сырьевого донора, а экономика Дальнего Востока в сырьевой придаток и одновременно перевалочную базу для транспортировки сырья из России. Между тем, по отношению к данному региону, периодически разрабатываются и принимаются федеральные целевые программы регионального развития (как правило, реальное финансирование программ всегда оказывалось урезанным, а их мероприятия выполненными не более, чем на 4-5 %).

Предлагаемые в последнее время проекты развития этой территории встречают резкую критику российского общественного сообщества. В частности, в начале 2012 г. Министерство экономического развития озвучило проект развития Дальнего Востока, в рамках которого будут заключаться договора с бизнесменами из стран АТР на развитие сельскохозяйственного сектора. Предполагалось, что Россия будет сдавать в аренду партнерам из Сингапура, Тайваня, Вьетнама, Японии и Южной Кореи несколько миллионов гектар земли, на которых они будут выращивать рис и сою. Цель проекта – обеспечение продовольственной безопасности в регионе. Главные аргументы критиков свелись к тому, что, во-первых, пустующую землю предлагают за символическую плату иностранным фермерам, в то время как получить несколько соток для индивидуального хозяйства во многих регионах страны практически нереально. Во-вторых, как можно диверсифицировать экономику региона и развивать её аграрно-промышленный комплекс, если в Амурской области, производящей электроэнергию, сельскохозяйственные предприятия платят за электричество в 5 раз больше, чем в Китае, покупающем электроэнергию у нас?

Вторая инициатива власти касалась создания госкорпорации (ГК) развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Смысл ГК, как было заявлено изначально, - в «привлечении инвестиций в освоение территории Сибири и Дальнего Востока и эффективном использовании природных ресурсов». ГК должна была бы отбирать инвестпроекты, а затем участвовать в них в самом различном формате. Предполагалось подчинить ГК напрямую Президенту РФ, дать ей право пользования недрами и лесными ресурсами «без предусмотренных действующим законодательством конкурсных процедур», упростить для неё правила градостроительства, земельные отношения, облегчить налоговое бремя по аналогии со «Сколково». Большинство экспертов относительно этой идеи сходилось во мнении, что эффективно управлять Дальним Востоком из Москвы невозможно, да и форма госкорпорации представлялась для данного случая не вполне адекватной.

В результате было принято решение о создании в структуре правительства России Министерства по развитию Дальнего Востока. Штаб - квартира Министерства будет располагаться в двух городах - Москве и Хабаровске. Это решение также вызывает множество вопросов. С одной стороны, создаётся чисто управленческая структура, которая должна курировать и координировать действия территорий и федеральных ведомств, но не ясны её полномочия. С другой стороны, власть расписалась в своей неспособности управлять столь сложным регионом из единого центра и переложила бремя управления на инсайдера. И всё-таки это позволяет надеяться на то, что структура управления страной может начать меняться в сторону большей гибкости и функциональности.

Конкретной ситуации в отдельном регионе был посвящен доклад *Л.В. Макущенко* «Малый бизнес – важнейший фактор региональной экономики» (Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут). Кратко обрисовав общую сложную для бизнеса социально-экономическую обстановку в стране Л.В. Макущенко остановилась на проблемах развития малого предпринимательства в Ханты-Мансийском Автономном округе (ХМАО-Югра), являющимся одним из важнейших ресурсов увеличения ВВП страны, обеспечивающим 52,6% общероссийской добычи нефти (2010 г.). Несмотря на сугубо сырьевую специализацию Округа, его территорию диверсифицируют малые и средние предприятия, производящие 10% ВРП, прямо не относящиеся к нефтедобыче и насчитывающие 11% занятого населения. Механизмами повышения деловой активности в малом предпринимательстве являются законы, принимаемые на уровне округа, поддержка начинающих предпринимателей в виде грантов на создание собственного бизнеса, микрофинансирование, компенсация

процентной банковской ставки, обеспечение гарантий по обязательствам, обучение предпринимателей и т.п. Особое внимание уделяется развитию инновационного предпринимательства: организовано консультирование, оказывается финансовая поддержка предприятиям, реализующим конкретные бизнес-планы, ведётся работа по созданию объектов инфраструктуры, технопарков, бизнес-инкубаторов и т.д. В округе действуют различные Фонды, осуществляющие поддержку малого бизнеса: Фонд окружной поддержки предпринимательства, Фонд содействия, Фонд микрофинансирования, Гарантийный фонд.; функционируют технопарк высоких технологий ХМАО-Югра, Окружной бизнес-инкубатор на базе которого осуществляется формирование фонда нежилых помещений для размещения субъектов предпринимательства по льготным ставкам и т.п. Важнейшим источником поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в конкретных городах и поселениях являются муниципальные программы, нацеленные на обслуживание жилищно-коммунальной сферы. Говоря о диверсификации в развитии малого бизнеса, следует отметить положительные тенденции в развитии агропромышленного комплекса в северном регионе, слабо для него приспособленном.

Поскольку сельское хозяйство, как для России, так и для Польши имеет существенное экономическое и социальное значение, специальное внимание на Сессии было уделено аграрным проблемам.

В докладе *А. Чижевского* (Экономический университет, г. Познань) и *П. Кулыка* (Зелёногурский университет, г. Зелёна Гура) «Сельское хозяйство Польши и России в макроэкономической среде» с помощью математических методов и масштабного статистического анализа проведено сопоставление перемен, происходящих в сельском хозяйстве обеих стран под влиянием рыночных преобразований и проводимой государственной политики в течение 1993-2010 гг.

Отметив сложности рыночной трансформации в обеих странах, А.Чижевский в своей презентации доклада подчеркнул, что многие проблемы, как показало исследование, были вызваны проводимой макроэкономической политикой. Быстрая либерализация и монетарная политика, а также прессинг глобального рынка воздействовали поначалу на применение в обеих странах схожих правил, вызывая серьёзные ограничения для сельского хозяйства, в частности, его доступа к инвестициям. Однако различия во внутренних условиях каждой из стран сформировали ряд позиций, определивших их дальнейшие расхождения в развитии. В частности, различной была амплитуда колебаний в уровне инфляции и темпах открытости рынков. В свою очередь, эти факторы привели к расхождениям в установлении макроэкономического равновесия. По разному менялась

ситуация в сельскохозяйственных доходах и в ножницах цен, в России её негативный характер оказался более масштабным. В целом же сельское хозяйство и России, и Польши обесценилось относительно несельскохозяйственных секторов. Это объяснялось стремлением добиться макроэкономического равновесия путём перекалывания значительной части издержек, прежде всего, на сельское хозяйство, хотя в результате проводимой политики именно сельское хозяйство обеих стран оказалось в значительно более депрессивном состоянии, чем несельскохозяйственные отрасли. В итоге произошли негативные отклонения в паритете сельскохозяйственных и несельскохозяйственных доходов, особенно ярко выраженные в России. Экономическая политика в Польше, смягчающая рецессивные изменения конъюнктурного цикла, в сочетании с ретрансфертами в сельское хозяйство, в том числе из средств ЕС, позволяет ограничить диспаритет доходов в нём. Без финансовых ретрансфертов это было бы невозможно. Ситуация в России была иной, на что указывает глубокий спад сельскохозяйственных доходов. Обозначилось различное значение макроэкономических факторов в соотношении доходов и ценовых ножниц как в Польше, так и в России. Причиной была дифференциация в структуре и уровне поддержки сельского хозяйства, а также ресурсов, получаемых в нём самом. В Польше ключевое значение имели внутренние факторы, связанные или с экономической конъюнктурой, или с финансовым фактором (инфляция, номинальная процентная ставка, финансовые ретрансферты). Резкие перемены в макроэкономических условиях России не позволили выделить внутренние факторы. В этом случае ключевое значение имели внешние факторы, особенно связанные с торговлей – *terms of trade*, влияющие на ценовую конкурентоспособность сельскохозяйственного производства страны. Общий вывод для обеих стран сводится к тому, что по мере экономического развития наблюдается не только постепенное уменьшение доли участия сельского хозяйства в создании национального дохода, но и изменение его характера под влиянием глобализации, увеличения или сокращения поддержки, действий лоббистов, усиления интеграции сельскохозяйственных производителей и т.п.

Доклад Д.А. Блескова (Институт экономики РАН) «Экологические последствия социально-экономических преобразований в аграрной сфере России» был посвящен влиянию противоречивых преобразований в сельском хозяйстве на тенденции в сельскохозяйственном природопользовании. Среди этих тенденций - существенное сокращение посевных площадей сельскохозяйственных культур, что с экологической точки зрения является позитивным процессом. Однако стихийность данного процесса снижает его экономическую и природоохранную эффективность, поскольку вывод из сельскохозяйственного оборота посевных площадей происходит на периферии регионов и

сопровождается интенсификацией землепользования в городах, пригородах и селах, вдоль главных железнодорожных и автомобильных магистралей, т.е. в ареалах, где антропогенные нагрузки были значительно превышены и в дореформенное время. Такие же последствия наблюдаются и в связи с обвальным сбросом поголовья сельскохозяйственных животных. Широкомасштабное запустение сельскохозяйственных земель наряду с депопуляцией сельской местности представляет реальную угрозу для сформировавшихся столетиями сельских культурных ландшафтов России, являющихся её национальным достоянием. Резко упал уровень агротехнологий. В связи с резким сокращением мероприятий по защите ценных земель от водной и ветровой эрозии происходит деградация сельскохозяйственных угодий, снижение урожайности. Всё это признаки примитивизации российского сельского хозяйства. При высоком уровне неплатежеспособности и убыточности села продолжается процесс деиндустриализации. При отсутствии новой техники увеличивается использование в качестве тягловой силы лошадей, растёт доля ручной обработки почвы. Особенность национальной интенсификации заключается в том, что она осуществляется посредством эксплуатации труда, причём труда доиндустриальной эпохи – мускульной силы человека. В течение всего трансформационного периода в аграрной сфере России нарастают проблемы, характерные для отсталых государств – низкий уровень агротехники, упрощение агроценозов, монокультура в земледелии, деградация почв, нарушение севооборотов и т.д. Одним из способов решения некоторых из названных проблем может стать разработка, апробация и внедрение адаптивной модели землепользования. Опыт некоторых аграрных предприятий Юга России, в частности Ставропольского края, свидетельствует о возможности реализации хотя бы некоторых элементов такой системы в конкретных границах землепользования. Для этого необходимо провести типологизацию земель с учётом сложившихся природно-климатических факторов, а также имеющихся эколого-ресурсных ограничений, должны быть разработаны целевые программы на региональном уровне, определяющие перечень необходимых работ и источники их финансирования. В докладе приведены примеры успешной реализации адаптивной модели.

Современная деградация российского села привела к крайней бедности значительной части сельского населения. Этой теме был посвящён доклад *С.К. Орловской* (Институт экономики РАН) «Преодоление сельской бедности в России». Расчёты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство сельских жителей, занятых в предприятиях всех форм собственности, могут быть отнесены либо к бедной или к незащищённой части населения. Для сельской местности характерно такое явление, как, при относительно высоком уровне безработицы (в 2009 г. – 13,2%), постоянная нехватка квалифицированных кадров,

желающих работать в сельском хозяйстве и проживать в деревне. Кроме того, для России характерны значительные различия в социально-экономическом положении жителей села и города, ситуации в регионах – депрессивность или успешность региона. В селе высока степень необустроенности быта, неразвитости инфраструктуры, прежде всего, транспортной – отсюда территориальная разобщенность сельских поселений и т.п. Серьёзной социально-экономической проблемой села является отток из него молодежи. Положительные перспективы решения проблемы преодоления сельской бедности в России связаны с комплексным решением основных проблем аграрной сферы (развитие сельскохозяйственного производства, социальной инфраструктуры, решение эколого-экономических проблем и т.п.), а также с сокращением зависимости от импорта продовольствия, кормов, сельскохозяйственных машин и оборудования. Это станет возможным при регулировании таможенной политики, отстаивании национальных интересов в международных организациях и господдержки отечественного товаропроизводителя и производителя сельскохозяйственной техники, стимулирование (дотирование) экспорта отечественной сельскохозяйственной продукции. Важны также пересмотр внутренних условий налогообложения, кредитования и страхования сельского хозяйства, условий товарных интервенций сельхоз продукции; законодательное закрепление равноправия партнёров (производителей, переработчиков и торговых сетей) на продовольственном рынке; более широкое использование кооперативных форм хозяйства и организации самоуправления сельских сообществ; улучшение общеэкономической и социальной среды российского общества в целом. Государственное и территориальное регулирование должно быть направлено на снижение коррумпированности в стране, на защиту внутреннего продовольственного рынка от шоковых спекулятивных операций, от монопольных сговоров и манипуляций с ценами на мировом рынке и т.д.

В докладе *И.В. Соболевой* «Глобализация и проблема социально-экономического неравенства в России» (Институт экономики РАН) проблема бедности была рассмотрена более широко как проблема монетарных и немонетарных аспектов социально-экономического неравенства, порождаемая современными мировыми процессами, прежде всего глобализацией. В случае России глобализация способствовала обострению неравенства, по крайней мере, по трём следующим направлениям. Во-первых, распространение нелиберальной идеологии, которая, вытеснив марксизм, стала теоретической основой российских реформ, непосредственно связано с глобализацией. Институциональным воплощением этой идеологии является Вашингтонский консенсус, принципы которого оставляют минимум пространства для учета национальной

специфики, в том числе специфики России. Именно жесткая приверженность этим принципам не позволила реализовать в ходе реформ конкурентные преимущества России, связанные с относительно высоким по мировым меркам образовательным и профессионально-квалификационным потенциалом населения, а также с развитой системой предоставления общественных благ, в целом отвечавшей стандартам современной социально-ориентированной экономики. Эта система была практически полностью разрушена в ходе реформ. Результатом стал глубокий экономический спад, издержки которого практически полностью легли на плечи основной массы работающего населения, живущего на зарплату. Чрезмерная опора на рыночные силы привела к обострению как монетарных, так и немонетарных аспектов неравенства, возникновению «ловушек бедности». Набирал силу процесс рекомодификации труда (Поланьи, Эспинг-Андерсен), что способствовало обострению, прежде всего, неравенства возможностей. Во-вторых, в условиях пассивности государства и отсутствия промышленной политики, направленной на поддержку потенциально конкурентоспособных секторов отечественной экономики, глобализация дала импульс к быстрому развитию, прежде всего, сырьевых отраслей, что вело к нарастанию несправедливой (не подкрепленной различиями в профессионально-квалификационном потенциале и объеме трудовых усилий) дифференциации заработных плат. В-третьих, глобализация способствовала диверсификации возможностей занятости, существенному увеличению разрыва между «хорошими» и «плохими» рабочими местами как по уровню оплаты труда, так и по характеристикам, непосредственно не связанным с доходом (условия и содержание труда, возможности карьерного роста и т.д.). Привилегированный сегмент рабочих мест сконцентрирован на ограниченном пространстве, непосредственно связанном с глобализацией – прежде всего в столицах и нефтедобывающих регионах, где заработные платы и другие доходы существенно превышают среднероссийский уровень. Таким образом, с одной стороны, в пост-советский период расширились возможности для индивидуального экономического успеха, с другой стороны разрушение системы социальных гарантий, усиление сырьевой ориентации экономики и территориальные диспропорции способствовали обострению проблемы социально-экономического неравенства.

Комиссия экономистов Института экономических наук Польской Академии наук и Института экономики Российской академии наук, Вольное экономическое общество России и Экономическое общество Польши предполагают продолжать рассмотрение проблем, связанных с интеграционными процессами, в том числе на очередной Сессии в Варшаве.

